
ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК МОДЕЛИРУЮЩАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ¹

Курганская Валентина Дмитриевна

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК (Алматы, Казахстан)

Дунаев Владимир Юрьевич

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК (Алматы, Казахстан)

***Аннотация.** В статье анализируются новые формы социальной стратификации, генерируемые процессами цифровизации всех сторон жизни современного общества. Дается характеристика онтологии, идеологии и мифологии цифрового общества. Разбирается механизм и имманентная логика воздействия процессов цифровизации на социальную структуру общества. Рассматривается специфика ряда новых социальных страт, возникающих в результате имплементации цифровых технологий в процессы социального конструирования реальности. Обсуждаются различные модели социальной стратификации.*

***Ключевые слова:** цифровизация; социальная стратификация; информационно-коммуникативные технологии; цифровой разрыв; цифровые компетенции; человеческий капитал.*

Для цитирования: Курганская В.Д., Дунаев В.Ю. Цифровизация как моделирующая система социальной стратификации // Социальные новации и социальные науки. – Москва : ИНИОН РАН, 2021. – № 1. – С. 46–64.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2021.01.05

© Курганская В.Д., © Дунаев В.Ю., 2021.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке МОН РК, грант № AP09259790.

Введение

Цифровизация является безальтернативным трендом разных сфер общественной жизни во всех странах мира, включая Россию. Новые (цифровые) информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) превратились в обязательные компоненты систем жизнеобеспечения, а доступность ИКТ стала важнейшим показателем развитости социальной инфраструктуры и ключевым ресурсом социальной динамики. Владение цифровыми технологиями выступает одним из определяющих факторов стиля и качества жизни, служит «входным билетом в более успешную жизнь и на более привлекательные рабочие места» [Шиняева, Полетаева, Слепова, 2019, с. 80]. Соответственно формирование цифровой грамотности, овладение цифровыми навыками и компетенциями, фиксирование цифровых траекторий, или «цифрового следа» человека становятся основанием или матрицей социальной стратификации, в которой человек представлен как «электронная личность» или «цифровой аватар».

С наступлением третьего тысячелетия на мировом уровне был провозглашен новый курс развития человечества, экономического, социального, культурного и нравственного переформатирования мира. В Окинавской хартии глобального информационного общества в качестве одной из целей мирового сообщества было выдвинуто «развитие людских ресурсов, способных отвечать требованиям века информации» [Окинавская хартия ..., 2001].

Вместе с тем экспоненциальное развитие и расширение использования цифровых технологий в глобальном масштабе вызывает обоснованную озабоченность по поводу воспроизводства существующих и возникновения новых форм неравенства. Отношения, лежащие в основе цифрового и сетевого сообщества, порождают все более фрагментированные и неравные социальные группы, генерируя новые формы бедности, отчуждения, социальной изоляции и социального разделения [Wessels, 2013, p. 18].

«Цифровой ресурс начинает выполнять роль базового стратификационного критерия в обществе» [Вершинская, 2016, с. 177]. Цифровое неравенство или цифровой разрыв как различие в уровне или степени обладания знанием и информацией становится важнейшим критерием иерархического деления общества на социальные группы и слои. В связи с этим анализ цифровизации как моделирующей системы социальной стратификации приобретает несомненную философско-мировоззренческую, научно-теоретическую и практико-политическую актуальность.

«В начале была Цифра»: онтология, идеология и мифология цифрового универсума

В ходе научно-технологического прогресса происходит радикальное преобразование естественно-природной среды обитания человека в опредмеченный результат научно-изобретательской и инновационно-творческой деятельности – техносферу. Собственная логика развития техносферы привела к «цифровой революции» в области онтологических оснований цивилизации и возникновению в последней трети XX в. виртуального мира компьютерного интерфейса («киберпространства»). Можно с полным основанием говорить о том, что появление киберпространства знаменует собой не только технологический прорыв в развитии информационно-коммуникативных систем, но и фундаментальное изменение топологических характеристик социокультурной реальности, возникновение в ней нового измерения. Стремительное развитие и глобальное распространение цифровых ИКТ трансформирует устоявшуюся картину мира, в результате чего в научно-философском дискурсе и в массовом сознании формируется новый образ реальности. В идеологии цифрового общества объекты и процессы рассматриваются как базы данных и пакеты сообщений, образующие единую информационно-коммуникативную сеть. «Сетевой профиль единого киберпространства существует поверх рамок и норм физического, биологического, психологического и социально-политического пространств, интегрируя и преломляя их в мире цифровых объектов и коммуникаций» [Подопригора, 2019, с. 15].

В современном дискурсе системообразующая функция в социальном конструировании реальности отводится коммуникации. Ч. Кули еще в начале прошлого столетия выдвинул тезис о том, что «...все социальное по своему происхождению сформировано последовательностью коммуникаций» [Кули, 2000, с. 81]. С этой точки зрения распространение виртуальных форм коммуникации посредством компьютерно-сетевых технологий порождает системный эффект, внося реальный вклад в производство социальности, в ее структурную интеграцию и дифференциацию. При этом «...сегодня коммуникация методически выстраивается по моделям, задаваемым технологиями системной интеграции процессов обработки и передачи информации» [Назарчук, 2008, с. 63]. То есть конфигурация коммуникативных практик задается не логикой их смыслового контента, но алгоритмами программного обеспечения процесса конструирования цифровой реальности.

Тотальную цифровизацию общества в онтологическом смысле можно рассматривать как возврат от первичного принципа Нового Завета («В начале было Слово», Евангелие от Иоанна Богослова), сменивших его принципа социокультурного бытия Нового времени («В начале было Дело», И. Гёте «Фауст») и «первофеномена» сетевой морфологии информационного общества («В начале был телефон», Ж. Деррида) – к постулату пифагорейской мифологии: «В начале была Цифра». Причем пифагорейско-платоновская космология во многом согласуется с «Фрактальной геометрией природы» Б. Мандельброта.

Мифология современной техногенной цивилизации вдохновляется идеей использования цифровых технологий для генерации духовных смыслов и ценностей.

Одним из ярких примеров этому служит оцифровка процесса возгонки в молитвенных барабанах тибетского буддизма спасительной для всех живых существ духовной энергии. Согласно буддийским сайтам, мантра (т.е. слоги, слова и фразы, имеющие священный смысл) на жестком диске компьютера работает так же, как и в молитвенном колесе. Так как жесткий диск делает сотни тысяч оборотов в час и может содержать множество копий мантры, каждый может превратить свой компьютер в молитвенное колесо [Тибетские молитвенные колеса ..., 2021].

Применение цифровых технологий к процессу фабрикации духовного Абсолюта тибетского буддизма имеет параллель с их использованием для производства всеобщего эквивалента всех смыслов и ценностей мира товарно-денежных отношений, т.е. денег. 2009 год ознаменовался возникновением нового финансового инструмента – криптовалюты. Криптовалюта, или цифровая валюта «существует только в электронном виде и не имеет носителя в виде монеты, бумаги или любого иного физически реального предмета. Она ничем не обеспечена, и ее курс определяется исключительно спросом и предложением. Эмиссия электронной валюты – «майнинг» (англ. mining – добыча полезных ископаемых) – это генерирование на компьютере математического кода с электронной подписью.

Обращение криптовалюты происходит по системе «блокчейна» – распределенной по персональным компьютерам базы данных. Поскольку в структуре блокчейна нет единого эмиссионного центра и никаких контролирующих процесс майнинга органов, цифровую валюту нельзя ни подделать, ни запретить, а самостоятельно добывать такие деньги может любой желающий. Хотя со временем эмиссия биткойнов становится все более аппаратно- и энергозатратной. Например, сложность майнинга биткойна за шесть лет после его изобретения Сатоши Накамото возросла в 10 тысяч раз. Поэтому возникают пулы и компании, занимающиеся майнингом в промышленных масштабах. Существуют также государственные программы майнинга криптовалют для поддержки национальной валюты.

Майнинг биткойнов и иных разновидностей криптовалюты – это компьютерные вычисления, посредством которых генерируется очередной блок распределенной базы данных. Иного смысла или иной области применения эти вычисления не имеют. Система криптовалюты держится на том, что пользователи Сети соглашаются считать такого рода вычисления денежной эмиссией, а их результаты – денежной единицей. В этом отношении майнинг криптовалюты функционально аналогичен вращению молельного барабана тибетского буддизма. Использование жесткого диска ком-

пьютера в качестве молельного барабана можно рассматривать как майнинг дхармы¹. С тем, однако, отличием, что для последователей буддизма дхармический строй бытия существует объективно, поэтому майнинг дхармы обеспечен онтологически. Криптовалюта же существует исключительно конвенциально, в силу согласия считать деньгами результаты особым образом организованного вычислительного процесса в компьютерных сетях.

Феномен криптовалюты, на наш взгляд, является показательным примером специфики систем генерации социальных смыслов и ценностей, отражающих процессы самопознания и самоорганизации общества эпохи постмодерна. В этом обществе цифровые технологии превращаются в матрицу, программный алгоритм генерации социальных смыслов и ценностей, а затем и в субъект этого процесса. Поэтому вполне закономерно, что идеологической формой самоописания цифрового общества становятся концепции пост- и трансгуманизма. В значительной мере эта тенденция характеризует и сферу социальной стратификации. Парадигма технологического детерминизма в интерпретации воздействия процессов цифровизации на социальную структуру современного общества формулируется А.В. Подопригорой в следующем виде: «Цифровая сеть, как новая социальная среда, не отражает структуру общества, а формирует ее по математическим технологическим алгоритмам и стандартам» [Подопригора, 2019, с. 17].

Современное глобальное общество как техногенная «Цивилизация цифровых статусов»

Создание Глобальной сети – Интернета – послужило основанием взрывного ускорения процессов восполнения (и вытеснения) традиционных социальных структур (жестких, долговременных, централизованных, иерархических и т.д.) сетевой морфологией с присущими ей формами социальных связей (слабых, горизонтальных, ситуативных и т.д.). Используя сетевые ИКТ конструирования «онлайн-социальности», пользователи Интернета создают референтные группы, сетевые «как бы сообщества» [Бауман, 2005, с. 117], в том числе с необычными мировоззренческими представлениями и политико-идеологическими установками, с весьма далекими от общепринятых нормативно-ценностными комплексами, «личностными образцами» (М. Оссовская) и культурно-поведенческими стереотипами (правилами онлайн-общения).

В отличие от традиционных форм и механизмов социального контроля, создание и функционирование сетевых сообществ:

¹ Дхарма – одно из важнейших понятий индийской философии. Это вселенский закон, порядок вещей, гармония, истина, которые проявляются из Брахмана («души мира»). Молитвенный барабан – цилиндр или валик на оси, содержащий мантры. Считается, что молитвенный барабан приносит умиротворение и покой в сердца людей, дарит гармонию окружающему миру. Таким образом, вращение молитвенного барабана имеет целью майнинг, т.е. проявление дхармы.

а) контролируется самими пользователями Интернета и выделившейся из их среды элитой сетевого общества – нетократией (от англ. net – «сеть» и греч. kratos – «власть»);

б) подчиняется техническим стандартам интерактивного взаимодействия человека с компьютером, опосредствующим социальные взаимодействия субъектов сетевой коммуникации.

Для значительной части населения многих стран современного мира Интернет из системы навигации по информационным массивам превратился в привычную, насущно необходимую среду обитания. Было бы неосмотрительно расценивать этот параллельный мир всего лишь как маргинальное по отношению к материальным оплотам и духовным бастионам онтологии номадическое «пространство симуляции», по которому кочуют заселяющие его «киберпанки». Способы, с помощью которых мы взаимодействуем, говорим, читаем, думаем, обсуждаем наши проблемы и цели в Интернете, значительно отличаются от способов, которыми мы осуществляем эти действия в автономном режиме. «Однако ничто не может быть более примечательным, как то, что наши онлайн-черты бессознательно импортируются в нашу офлайн-жизнь... и наша офлайн-персона все больше напоминает наш аватар» [Авоцјаоуде, 2011, р. 9]. По мнению Э. Абуджауда, лишь немногие способны аккуратно разделять две сферы своего жизненного мира: онлайн и офлайн, виртуальную и реальную. «Однако для остальных из нас это разделение уже невозможно, и мы живем в чем-то, напоминающем мутную эмульсию, экзистенциальный эквивалент хорошо перемешанного винегрета» [Авоцјаоуде, 2011, р. 20]. Более того, значительной частью населения современного мира Интернет воспринимается как продленная в киберпространство привилегированная социальная форма культурной, политической, идеологически-мировоззренческой стратификации. «...мы видим сегодня тенденции все большей десоциализации личности в реальном пространстве и резкий рост гиперсоциализации в цифровом... Если тебя нет в цифровом пространстве – тебя не существует» [Лисенкова, 2018, с. 116]. Диагностированное Ж. Бодрийяром исчезновение, «имплозия» социального купируется «киберпротезированием», «компьютерной симуляцией» институционального строя общества и непосредственных очевидностей нашего «жизненного мира».

Развитие современной экономики, основанной на производстве и использовании знаний, предполагает формирование нового принципа социально-статусной стратификации.

По своей интенции и внутренней логике (в силу нового принципа социальной стратификации и разделения труда) «общество знаний» является меритократией, или «сертифицированным обществом». В таком обществе возникает новая форма доступа к социально значимым позициям (статусам) и привилегиям: научная и техническая компетентность, профессиональные знания и владение информацией. Условием получения престижной работы становится наличие университетского диплома, ученой степени, прохождения квалификационного экзамена и т.д. Различия в статусе и доходах обусловлены здесь различиями в образовании и квалификации, или размерами и

качеством имеющегося у личности «человеческого капитала». Возникновение нового источника социального неравенства ведет к формированию новых социальных страт.

Одним из вариантов теории меритократии как основания социально-статусной стратификации применительно к постиндустриальному обществу является концепция прихода к власти в этом обществе «класса интеллектуалов». Согласно этой концепции, в современном (постиндустриальном, технотронном, информационном и т.п.) обществе знания и информация становятся важнейшим ресурсом, контроль над которым и возможность им распоряжаться становятся определяющим основанием для социально-статусной стратификации. В западной социологии утвердился подход, при котором в стратификационном анализе общества понятие интеллигенции практически не применяется. Вместе с тем среди разнообразных социальных групп особое значение приобретает группа, для обозначений которой в западной литературе предлагаются термины «когнитариат» [Тоффлер, 2003, с. 45], «креативный класс» [Florida, 2005], *knowledge-class*, или, как предлагает передавать этот термин в русском языке В.Л. Иноземцев, «класс интеллектуалов» [Иноземцев, 2000 а].

Резкое снижение хозяйственного и политического влияния традиционного класса буржуа (фактически совпавшего с классом предпринимателей) привело к тому, что к середине 70-х годов прошлого века доминирующим классом развитых стран стали называть «технократов» – людей, манипулирующих уникальными знаниями и информацией на трех основных уровнях: правительственном, отраслевом и на уровне отдельных организаций. В начале XXI столетия в развитых странах мира утверждается экономика знаний (*the knowledge-based economy*), основанная на новейших достижениях в сфере информационных и коммуникационных технологий. Наряду с понятием «экономика, основанная на знаниях», в последнее время получило также распространение понятие «общество, основанное на знаниях» (*the knowledge-based society*), или «общество знаний» (*the knowledge society*). Соответственно в научный оборот был введен термин «работник интеллектуального труда» – *knowledge-worker*, главными чертами которого выступают:

- ориентированность на оперирование информацией и знаниями;
- высокий стандарт образования и научная компетентность;
- независимость от собственности на средства производства.

Определяющей чертой социально-психологических установок представителей этого класса является приверженность целям самосовершенствования и творческой самореализации. Первостепенную значимость имеют «постматериалистические» ценности, а не утилитаристская мотивация или стремление к максимизации личного материального благосостояния.

Вместе с возникновением класса интеллектуалов возникает новый тип социального противостояния. Имущественное неравенство становится отчасти (по мнению В.Л. Иноземцева, по пре-

имуществу) следствием неравенства интеллектуального потенциала. При этом тенденции к ограничению или даже устранению структурообразующих функций отношений частной собственности в социально-классовой стратификации несут с собой новые социальные риски и угрозы: возникает новый тип социального противостояния. Класс интеллектуалов не нуждается в эксплуатации каких-либо социальных групп и сам не подвержен эксплуатации со стороны других социальных групп для утверждения той уникальной роли, которую он играет в социальной структуре современного общества. Вместе с тем, как полагает В.Л. Иноземцев, «Устранение господствующей роли вещных материальных факторов снимает любые препятствия росту социального и имущественного неравенства... Будучи порождено не относительно условными и внешними характеристиками вещного богатства, а сущностными отличиями внутреннего потенциала членов общества, новое классовое деление может стать гораздо более жестким, чем в эпоху господства частной собственности» [Иноземцев, 2000 б, с. 13].

Для современных исследований типичны подходы, признающие многомерность оснований, параметров и критериев социальной стратификации. Поляризация общества происходит по осям противостояния уровней интеллектуального развития, личностных типов, жизненных стилей, систем ценностей, мировоззрений. При этом одними из главных критериев социально-статусного положения или оснований социального расслоения выступают власть, доход, профессия.

Общей чертой классических теорий стратификации была их ориентация на относительно стабильные соответствия социально-статусных позиций с уровнями дохода, властных полномочий и профессиональных достижений. Цифровизация требует корректировки, а иногда и решительного пересмотра содержания этих стратификационных категорий. Вместе с выдвиганием знаний и информации в качестве основного ресурса власти впервые в истории условием принадлежности к господствующему классу становится не обладание или право распоряжения ресурсами, а способность ими воспользоваться. Класс интеллектуалов обретает реальный контроль над процессом общественного производства и перераспределяет в свою пользу все большую часть общественного достояния.

Параллельно с классом интеллектуалов формируется такой новый социальный класс, как прекариат. Прекариат играет все более значительную роль в современной системе общественного производства, характеризуется повсеместным распространением и численным ростом. Ж.Т. Тощенко считает, что к прекариату можно отнести около 40% населения России [Тощенко, 2015].

Понятие прекариата предложил П. Бурдье и основательно разработал Г. Стэндинг [Стэндинг, 2014]. В концепциях прекариата (от англ. precarious – ненадежный, шаткий, опасный, рискованный) выделяются такие его основные характеристики, как неустойчивость социального положе-

ния, отсутствие социального пакета (льгот), оплачиваемого отпуска и гарантий занятости, нестабильность заработков, кратковременность и частая смена работы и т.д.

Прекариат как «новый опасный класс» не укладывается в традиционные социально-стратификационные модели. В прекариат входят многочисленные группы людей, живущих случайными и нерегулярными заработками: фрилансеры, временные рабочие-мигранты, стажеры. Значительную часть прекариата цифрового общества составляют «цифровые кочевники» [Мельков, Салтыкова, Лябах, 2019]. Нетрудно заметить, что социальные портреты порожденных технологической революцией класса интеллектуалов и прекариата вызывают аллюзию с персонажами голливудской комедии «Близнецы», сыгранными А. Шварценеггером и Д. де Вито.

Решающую роль в приобретении прекариатом статуса одного из основных элементов социальной стратификации современного общества сыграл переход к цифровой экономике.

В цифровом обществе резко меняются количественные и качественные характеристики занятости. Согласно экспертным оценкам, доля рабочих мест, подпадающих под процессы автоматизации и перехода к безлюдным технологиям, с 2016 по 2030 г. составит около 1/3 в наиболее развитых в научно-технологическом отношении странах [Workforce of the future ..., 2018], и до 2/3 – в развивающихся странах [World development report, 2016]. Между тем еще до коронавирусной пандемии от 30 до 45% мирового народонаселения трудоспособного возраста являлись безработными или частично занятыми [World development report, 2016].

Е.С. Садовая указывает, что в условиях цифровизации социально-трудовой сферы из занятости «стремительно исчезает ее социальная составляющая с постоянным контрактом и страхованием рисков» [Садовая, 2018, с. 10] и увеличивается доля внештатных, временных работников, фрилансеров¹, краудворкеров² и т.д. На смену традиционным предприятиям и трудовым коллективам приходят краудсорсинговые³ и краудворкинг-платформы. Например, в Германии одной из крупнейших является платформа Clickworker, клиентская база которой насчитывает 700 тыс. фрилансеров. В странах с развитой экономикой каждый третий наемный работник уже является фрилансером. В России также крепнет тенденция внедрения свободного использования трудовых ре-

¹ Фрилансер (англ. freelancer) – свободный работник. Термин «фрилансер» обычно приписывается Вальтеру Скотту (используется в романе «Айвенго» (1819) для описания средневекового наемного воина, букв. «вольного копейщика» (lance – рыцарское копье)). Фрилансер сам предлагает свои услуги, которые оказывает по гражданско-правовому, а не трудовому договору.

² Краудворкер (от английского crowdworking: crowd – толпа, working – работа) – временное участие в проектах. Это разновидность фрилансеров, которые оказывают услуги исключительно через краудворкинг-платформы в Интернете. Особенностью краудворкинга является то, что компания-наниматель объявляет конкурс, участники которого знакомят заказчика со своими концепциями, заказчик выбирает наиболее понравившуюся и заключает договор с командой разработчиков.

³ Краудсорсинг (от англ. crowd – толпа, sourcing – использование ресурсов) – привлечение к решению тех или иных проблем инновационной производственной деятельности широкого круга лиц для использования их творческих способностей, знаний и опыта по типу субподрядной работы на добровольных началах с применением информационных технологий. В отличие от краудворкинга при краудсорсинге оплата работы не практикуется или она невелика.

сурсов (фриланса), с тем отличием, что у большинства это ассоциируется не с работой, а с подработкой [Лузгина, Кузьмина, 2019, с. 11]. Такого рода процессы в сфере трудовой деятельности ведут к размыванию социальной структуры индустриального общества, стержнем которой выступает средний класс, и к формированию нового типа социальной стратификации в цифровом обществе. При этом ИТ-сектор является базовой отраслью экономики, использующей фриланс.

В современном мире неуклонно возрастает значение использования цифровых ИКТ для включения людей в экономическую, социальную, политическую, культурную жизнь. Уровень цифровой грамотности или цифровой статус становится неременным компонентом оценки уровня профессиональных компетенций для широкого круга специальностей, порожденных техногенной цивилизацией. Соответственно цифровые разрывы в доступности ИКТ и в компетенциях и характере их использования формируют социальные дистанции и социально-стратификационные иерархии, типологически характеризующие специфику цифрового общества.

Цифровое неравенство как форма социального расслоения

Цифровыми технологиями создается новое измерение современного мира, в котором трансформируются прежние и возникают новые формы социальной стратификации. Одной из новых форм социального расслоения является цифровой разрыв – «фундаментальный аспект социального неравенства в информационную эпоху» [Ragnedda, Mushert, 2013, p. 1]. Закономерно, что социальная стратификация современного общества рассматривается многими исследователями в терминах цифрового разрыва, различий в уровнях доступа к цифровым технологиям и ресурсам и их использования.

Феномен цифрового разрыва, или цифрового неравенства (англ. digital divide, digital inequality, digital gap), стал предметом внимания ученых и экспертов с начала 1990-х годов. В настоящее время применяются различные методики его определения. «Исследователи начали создавать многомерные аналитические конструкции для изучения комплекса переменных, отражающих особенности поведения агентов в структурировании цифровых неравенств, в результате чего концепция цифрового разрыва получила иерархический вид, описывая разные типы использования ИКТ с учетом уровня цифровой грамотности, уровня образования, гендерной принадлежности, возраста, владения английским языком и т.п.» [Добринская, Мартыненко, 2019, с. 111–112].

Предпринимаются попытки создания унифицированной системы навыков и компетенций работы с цифровыми ИКТ, ранжированных по степени сложности их освоения, целям применения, степени значимости для профессионального и личностного роста пользователей. Например, в докладе ЮНЕСКО «Искусственный интеллект в образовании: вызовы и возможности устойчивого развития» (2019) приводится таблица компетенций в области цифровой грамотности, включающая

шесть уровней [Artificial intelligence in education ..., 2019, p. 19]. Разработанные различными международными организациями индексы, характеризующие развитие ИКТ в странах мира, систематизированы в работе С.Г. Бычковой и Л.С. Паршинцевой. Статистические индикаторы обобщающих оценок распределены на четыре основные группы: 1) инфраструктура; 2) доступность; 3) использование; 4) знания и навыки [Бычкова, Паршинцева, 2019, с. 35, 36].

Как правило, исследователи выделяют три основных уровня или три этапа эволюции цифрового разрыва. Первый уровень фиксирует разницу в материальной и финансово-экономической базе доступа к новейшим ИКТ; второй – разницу в компетенциях и навыках эффективного использования ИКТ; третий – жизненные шансы и возможности, обусловленные использованием ИКТ [van Deursen, van Dijk, 2010; Шарифьянов, Гайнанов, 2014, с. 10; Добринская, Мартыненко, 2019; Юдина, 2020, с. 105–106]. Трехуровневые модели структурирования цифрового неравенства в настоящее время являются наиболее распространенными аналитическими конструкциями для его теоретического анализа.

На *первом уровне* показатели цифрового неравенства определяются через различия в качественных и количественных характеристиках доступных пользователям современных средств коммуникации.

В Глобальном отчете Digital 2020, подготовленном компаниями We Are Social и Hootsuite, приводятся следующие статистические показатели: 4,54 млрд человек, или почти 60% мирового населения, пользуется Интернетом. Годовой прирост составил в 2020 г. 7%. В Северной Америке интернет-технологиями охвачено более 95% населения, в Европейском союзе – более 82%. Из 3,2 млрд человек, еще не подключенных к Всемирной сети, более миллиарда живут в Южной Азии и 870 млн – в странах Африки. Свыше 5,19 млрд человек пользуются мобильными телефонами. Прирост за год – 2,4%. Число пользователей социальных сетей достигло 3,8 млрд человек. Прирост по сравнению с 2019 г. – 9% [Сергеева, 2020].

В России Интернетом активно пользуются 81% населения. Численность аудитории социальных сетей на начало 2020 г. составила 70 млн пользователей, т.е. 48% от всего населения страны [Сергеева, 2020].

Доклады об уровне цифровизации экономики и общества составляются также Еврокомиссией (DESI). Значение соответствующего индекса для России значительно ниже, чем среднеевропейское. Однако по субиндексу включения населения в интернет-коммуникации и необходимых для этого навыков и компетенций Россия превосходит средние показатели [Логинава, 2019, с. 22], что является ее очевидным конкурентным преимуществом.

Слои населения, ограниченные в возможностях доступа к использованию цифровых ИКТ, испытывают растущие трудности с получением государственных услуг, образования, медицин-

ской помощи, с приобретением товаров и услуг, поиском работы и т.д. Тем более что на современном рынке труда значительную и неуклонно возрастающую долю составляют рабочие места, требующие той или иной степени компетентности в работе с компьютером. Таким образом они вытесняются на обочину социально-экономической жизни и маргинализируются.

В рамках отдельных стран первый уровень цифрового неравенства характеризует, в основном, различия между городскими и сельскими жителями. «Для территориально больших стран с множеством ареалов низкой плотности населения цифровое неравенство городского и сельского населения будет оставаться основной инфраструктурной ИКТ-проблемой еще не одно десятилетие» [Шарифьянов, Гайнанов, 2014, с. 14].

Стабильно высоким является различие в использовании цифровых ИКТ между группами, стратифицированными по уровню образования. В России в 2019 г. Интернетом пользовались 97,2% обладателей высшего образования и лишь 75,5% лиц, имеющих основное общее образование [Юдина, 2020, с. 101].

Характерным примером первого уровня цифрового неравенства служит также разрыв между старшим и молодым поколением. Например, в России уровень пользования Интернетом молодежью уже два года назад достиг практически предельных значений – 98%. При этом в возрастной группе 30–54 лет этот показатель составил к началу 2018 г. 83%. И лишь 36% россиян старше 55 лет пользовалась Интернетом. Поэтому рост аудитории Интернета в последние годы происходит в основном за счет людей старшего возраста. Только за 2018 г. доля пользователей Интернета среди людей в возрасте от 55 лет и старше увеличилась на четверть, а доля пользователей мобильного Интернета – в 2 раза [Исследование GfK ..., 2018].

Второй уровень цифрового неравенства формируют различия в знаниях (компетенциях) и навыках практического использования ИКТ. Именно этот критерий становится одним из маркеров нового типа социальной стратификации, модели которого исходят из постулата (фактически – из тавтологического утверждения) о том, что характер участия людей в экономической, культурной, политической жизни зависит от их информационно-коммуникативной компетенции, от интенсивности использования и субъективной значимости ИКТ в жизни индивидов и социальных групп.

Как отмечает известный исследователь проблем цифрового неравенства Я. ван Дейк, в то время как разрывы в физическом доступе к ИКТ достаточно эффективно устраняются, другого рода разрывы – социальные, психологические и культурные – по-видимому, расширяются. «Навыки работы в Интернете должны рассматриваться как жизненно важные активы. Когда эти навыки неравномерно распределены среди населения, последствия этого... могут усугубить существующее социальное неравенство» [van Deursen, van Dijk, 2010, p. 894].

Я. ван Дейк и его аспирант А. ван Дирсен предложили следующую классификацию интернет-навыков или интернет-компетенций (Skills).

- Операционные навыки работы в Интернете. Сюда входит набор базовых навыков использования технических устройств доступа к интернет-технологиям («знание кнопок»).

- Формальные навыки работы в Интернете. Это навыки навигации и ориентации в информационных массивах сети.

- Информационные навыки – навыки отбора, обработки и использования полученной через Интернет информации.

- Стратегические навыки работы в Интернете. К ним относится способность использовать Интернет как средство достижения конкретных профессиональных и личных целей [van Deursen, van Dijk, 2010, p. 895].

Впоследствии Я. ван Дейк выделил еще два уровня цифровых компетенций – коммуникативные навыки (рассылка, контакт, создание онлайн-идентичностей, привлечение внимания и высказывание мнений) и навыки создания контента [van Dijk, 2013, p. 41].

По результатам социологических исследований, проведенных ван Дейком и ван Дирсеном, были выявлены важные и достаточно неожиданные для самих исследователей зависимости.

– Гипотеза о том, что с опытом работы в Интернете и с увеличением времени его использования все большее число людей демонстрируют более высокий уровень интернет-навыков, поддерживается только для операционных интернет-навыков. Формальные, информационные и стратегические навыки работы в Интернете с опытом работы не растут. Напротив, увеличение времени использования Интернета отрицательно влияет на эффективность этой работы.

– Молодое поколение лучше справлялось лишь с заданиями, требующими операционных и формальных навыков, но не информационных и стратегических компетенций.

– Удивительно, но гипотезы: а) что люди, имеющие доступ к социальной поддержке при использовании Интернета, демонстрируют более высокий уровень интернет-навыков, чем люди, которые этого не делают; б) что с повышением социально-экономического статуса люди демонстрируют более высокий уровень интернет-навыков; в) что люди, проходившие интернет-курсы, демонстрируют более высокий уровень интернет-навыков, чем люди, которые этого не делали, – все отвергаются [van Deursen, van Dijk, 2010, p. 906].

Для оптимизации процессов социальной стратификации в современном обществе, в том числе для сглаживания цифрового разрыва, важно понять, что операционные и формальные навыки работы в Интернете недостаточны для его эффективного использования. Приобретение же информационных и стратегических навыков работы в Интернете вызывает гораздо больше проблем. «Дружественный интерфейс» электронных средств коммуникации понижает интеллектуальный

порог их освоения и не требует специальных компетенций. Еще не так давно выходявшие большими тиражами пособия по пользованию компьютером и Интернетом («Интернет для чайников») сегодня никому не нужны. Все более совершенные ИКТ адаптируются к все более примитивным пользователям. Фактически пространство интернет-коммуникаций становится «ювенильным» [Лазаревич, 2015, с. 331] и примитивно-гедонистическим.

Результаты исследований ван Дейка и ван Дирсена должны, как они считают, подтолкнуть политиков и разработчиков новых медиа к корректировке своих убеждений в том, что, за исключением некоторых пожилых людей, все могут иметь доступ к Интернету и могут им пользоваться.

Проведенные голландскими учеными исследования позволили им сформулировать ряд предположений о тенденциях изменений социальной стратификации, обусловленных процессами цифровизации. То есть перевести анализ цифрового разрыва на *третий уровень* – уровень возможностей и жизненных шансов.

В современном (и будущем) обществе информационные и стратегические навыки работы в Интернете все в большей мере определяют положение людей на рынке труда и в системе социальных взаимодействий в целом. Жизненные шансы напрямую связаны с возможностью работать в цифровой экономике. Возможности приобретения соответствующего образования и навыков, позволяющих людям участвовать в современной социально-экономической жизни, дифференцируются по классовой принадлежности, культурному капиталу и социальному статусу, полу, возрасту, этнической принадлежности, образованию, цифровой грамотности.

В то время как все большее количество информации, относящейся к повседневной жизни, становится легче получить через доступ к Интернету, люди с низким уровнем интернет-навыков становятся все более обездоленными. Это сужение возможностей относится к экономическим ресурсам, таким как доступ к форматам удаленной работы и конкурентоспособность на рынке труда, приобретение товаров и услуг; к политическим ресурсам (таким как политическое онлайн-участие и т.д.); к ресурсам в области образования (актуализированных массовым переходом к дистанционному обучению в период пандемии) и здравоохранения. Например, молодые люди получают гораздо больше информации о своем заболевании через Интернет, чем пожилые люди, которые явно нуждаются в этом больше. «Результаты исследований убедительно свидетельствуют о том, что значительная часть населения будет исключена из реального и эффективного использования Интернета» [van Deursen, van Dijk, 2010, p. 908]. В то же время «для привилегированных социальных слоев характерна тенденция накапливать преимущества, обусловленные уровнем доступа и использования ИКТ» [Добринская, Мартыненко, 2019, с. 113–114].

Отсутствие операционных и формальных навыков работы в Интернете может рассматриваться, наряду с физическим доступом, как временная и по преимуществу техническая проблема.

Цифровой разрыв в этой плоскости может быть смягчен целенаправленной политикой в отношении рынка труда, профессиональной подготовки работников и улучшения образования на всех уровнях, включая образование взрослых. Однако недостаток информационных компетенций и стратегических навыков носит структурный характер. Поэтому «можно серьезно усомниться в том, возможно ли вообще ликвидировать цифровой разрыв» [van Deursen, van Dijk, 2010, p. 909].

Нидерландский исследователь рисует «мрачную картину» цифровой стратификации информационно-сетевого общества. Ядро этой концентрической модели представляет «цифровая» элита, составляющая около 15% населения в наиболее развитых странах. Это люди с высоким уровнем дохода и образования, у них лучшие рабочие места и социальные позиции, и они имеют более чем 95%-ный доступ в Интернет. Цифровые элиты характеризуются мобильным образом жизни и вовлеченностью в плотные социальные сети, расширенные большим количеством междугородних связей. Среднее кольцо образует большинство населения (от 50 до 60%) этих стран. Члены данной страты имеют меньше социальных связей и медийных сетей, меньше доступа к Интернету, компетенций и навыков использования ИКТ. Используемые ими интернет-приложения по преимуществу носят развлекательный характер. Неприсоединившиеся и исключенные из цифровых технологий составляют внешнее кольцо. В него входит, по меньшей мере, четверть населения даже развитых обществ. Внешнее кольцо состоит из низших социальных классов, безработных, пожилых людей, этнических меньшинств и большой группы мигрантов [van Dijk, 2013, p. 47–49].

Как видно, предложенная Я. Ван Дейком модель цифровой стратификации информационно-сетевого общества во многом интерферирует с традиционными концепциями социальной стратификации, в основе которых лежит разделение общества на элиту, средний класс и андеркласс.

Применяется принцип выделения уровней цифрового неравенства и в случаях анализа ситуации в России. Например, в одном из социологических исследований были выделены следующие страты по критерию доступа к интернет-технологиям жителей российских регионов (Пензенской и Ульяновской областей): 1) «цифровые бедные» – не имеющие никаких устройств доступа к Интернету (5% населения этих областей); 2) «цифровые базовые» – имеющие только стационарный доступ к Интернету (26%); 3) «цифровые средние» – использующие разные технологии доступа к Интернету (66%); 4) «цифровые продвинутые» – имеющие сеть вещей, управляемых через Интернет (3%) [Шиняева, Полетаева, Слепова, 2019, с. 75]. В том же исследовании был использован такой критерий выделения социальных страт, как «базовый», «средний» и «продвинутый» уровень навыков и форм применения цифровых технологий. Социальная стратификация по этому критерию включала:

– базовый уровень использования цифровых услуг (обмен письмами в электронной почте, общение в массовых социальных сетях; осуществление интернет-платежей за услуги, заказ биле-

тов, продуктов, такси; покупка в интернет-магазинах, просмотр видео) – 40% населения двух российских регионов;

– средний уровень, связанный с использованием развивающих программ (навыки и компетенции «общения в профессиональных сетях, получения образовательной информации; поиска вакансий на рынке труда, выполнения профессиональных работ; взаимодействия с органами власти, гражданскими объединениями; виртуальных путешествий, посещений культурных объектов») – 27%;

– продвинутый уровень пользования цифровыми услугами, меняющими качество жизни пользователей («подразумевает участие в вебинарах, интернет-семинарах; настройку набора новостных источников, облачное хранение данных; получение дистанционного образования; ведение собственного видеоблога, сайта; управление технологиями «умного дома») – 15%;

– 18% жителей регионов не пользуется даже базовыми цифровыми услугами, т.е. относятся к нижней страте цифрового неравенства [Шиняева, Полетаева, Слепова, 2019, с. 76, 77].

Судя по этим распределениям, конфигурация страт населения современной России близка к обрисованной ван Дейком картине цифровой стратификации информационно-сетевое общества в странах – лидерах в области разработки и применения цифровых ИКТ. Хотя уровень цифровизации России пока что заметно уступает ведущим в этой сфере странам.

По мнению М. Рагнетта, цифровое неравенство следует рассматривать как социальную, а не технологическую проблему, и анализировать на основе теорий экономической, социальной, культурной и политической стратификации, разработанных К. Марксом, М. Вебером, Э. Дюркгеймом и другими классиками социологии. Например, марксистская теория имеет решающее значение для понимания формирования доминирующих групп и динамики накопления капитала в секторе коммуникаций. С этой точки зрения «цифровой разрыв» можно рассматривать как способ воспроизводства, распределения и потребления социального неравенства в цифровую эпоху с использованием новых коммуникационных технологий. Использование концепции стратификации М. Вебера позволяет исследовать воздействие цифрового разрыва на формирование социальных иерархий информационно-сетевое общества по критерию социального статуса, престижа, экономического и политического влияния [Ragnedda, 2017; Ragnedda, Mushert, 2013, p. 1].

Нельзя не согласиться с тем, что концепции социальной стратификации К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма все еще актуальны. Выявленные классиками факторы и механизмы расширенного воспроизводства социального неравенства по-прежнему играют ключевую роль в общественном развитии.

Интегральным концептом для обозначения совокупности ресурсов доступа к цифровым технологиям, а также навыков и компетенций их применения в реализации жизненных стратегий, в достижении личных и профессиональных целей служит понятие цифрового капитала.

Начало исследованиям социальной стратификации на основе механизмов накопления и конверсии различных форм «капитала» – экономического, политического, культурного, социального, информационного, человеческого, символического – было положено в работах П. Бурдьё. Эти работы послужили методологической базой для формирования нового подхода к исследованиям социального и цифрового неравенства на основе разработки понятия цифрового капитала, определения его структуры и компонентов, выявления условий, механизмов, факторов его конвертации в иные формы капитала. Обоснованным выглядит предложение рассматривать цифровой капитал не только как отдельный вид капитала, обладание которым во многом обуславливает успешность человека и социальных групп, но и как *sui generis* «метакapитал, в определенном смысле влияющий на уровни обладания и использования других нематериальных капиталов» [Вартанова, Гладкова, 2020]. Во многом близок к такой концептуализации цифрового капитала как ключевого ресурса, владение которым обеспечивает доступ ко всем прочим ресурсам, подход М. Рагнетды. Он рассматривает цифровой капитал как специфический вид, тесно переплетенный с пятью другими видами капитала: социальным, политическим, экономическим, человеческим и культурным [Ragnedda, Ruiu, 2020, p. 4].

Заключение

Изучение направлений, сценариев, последствий трансформации социальной структуры под воздействием процессов цифровизации должно показать, как цифровой разрыв влияет на социальное расслоение, и, наоборот, как социальное расслоение влияет на увеличение цифрового разрыва [Ragnedda, 2017]. При этом следует различать два формата влияния цифровизации на процессы экономической, социальной, культурной и политической стратификации:

1) воспроизводство (в том числе с различной степенью модификации) традиционных форм неравенства в цифровой сфере и

2) собственная логика, алгоритмы и динамика действия цифрового разрыва, создание посредством цифровых технологий новых форм социального расслоения, вплоть до «цифровой дискриминации», формирование системы цифрового включения / исключения и т.д.

К исследованиям такого рода мировая социальная наука начала активно обращаться только в самое последнее время. Поэтому в настоящей статье преследовалась цель обозначить лишь самые общие контуры подхода к проблеме, всесторонний анализ и комплексное решение которой имеет принципиальное значение для выработки стратегии общественного развития на основе использования инновационных цифровых технологий.

Список литературы

1. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – Москва : Логос, 2005. – 390 с.

2. Бычкова С.Г., Паришинева Л.С. Информационно-коммуникационные технологии как основа развития информационного общества: Россия в системе международных статистических индикаторов // Статистика и экономика. – 2019. – Т. 16, № 1. – С. 32–40. – URL: <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2019-1-32-40> (дата обращения 29.01.2021).
3. Вартанова Е.Л., Гладкова А.А. Цифровой капитал в контексте концепции нематериальных капиталов // Медиаскоп. – 2020. – Вып. 1. – URL: <http://www.mediascope.ru/2614> (дата обращения 29.01.2021).
4. Вершинская О.Н. Новый фактор социальной стратификации // Социально-политические науки. – 2016. – № 2. – С. 176–180.
5. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия Социология. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 108–120. – URL: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/20561> (дата обращения 29.01.2021).
6. Иноземцев В.Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. – 2000 а. – № 6. – С. 67–77.
7. Иноземцев В.Л. Собственность в постиндустриальном обществе и исторической перспективе // Вопросы философии. – 2000 б. – № 12. – С. 3–13.
8. Исследование GfK: Проникновение Интернета в России // Growth from Knowledge. – 2018. – 16.01. – URL: <https://www.gfk.com/ru/press/issledovanie-gfk-pronikновение-interneta-v-rossii-1> (дата обращения 29.01.2021).
9. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. – Москва : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 2000. – 320 с.
10. Лазаревич А.А. Становление информационного общества: коммуникативно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания / науч. ред. И.Я. Левяш. – Минск : Беларуская навука, 2015. – 537 с.
11. Лисенкова А.А. Новые медиа: от Web 1.0 к семантической паутине Web 4.0 // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 1 (81). – С. 110–118.
12. Логинова Е.В. Цифровые координаты современного российского общества: методология исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2019. – Т. 21, № 3. – С. 15–28. – URL: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2019.3.2> (дата обращения 29.01.2021).
13. Лузгина О.А., Кузьмина М.Г. Социально-экономические последствия внедрения гиганомики в промышленном бизнесе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Социология. – 2019. – № 4 (52). – С. 4–11.
14. Мельков С.А., Салтыкова М.В., Лябах А.Ю. «Цифровые кочевники»: проблематизация появления и влияния на развитие современного общества // Вестник МГЛУ. Общественные науки. – 2019. – Вып. 1 (834). – С. 76–94.
15. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 61–75.
16. Окинавская хартия глобального информационного общества // Развитие информационного общества в России. – Санкт-Петербург, 2001. – Т. 2 : Концепции и программы : сб. документов и материалов. – С. 63–71.
17. Подопригора А.В. Искусственный интеллект как дискурс самопознания и самоорганизации цифрового социума // Социум и власть. – 2019. – № 1 (75). – С. 7–20.
18. Садовая Е.С. Человек в цифровом обществе: динамика социально-трудовых отношений // Южно-российский журнал социальных наук. – 2018. – Т. 19, № 3. – С. 6–20. – URL: <https://doi.org/10.31429/26190567-19-3-6-20> (дата обращения 29.01.2021).
19. Сергеева Ю. Вся статистика интернета на 2020 год – цифры и тренды в мире и в России // WebCanape. – 2020. – 03.02. – URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy/> (дата обращения 29.01.2021).
20. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – Москва, 2014. – 328 с.
21. Тибетские молитвенные колеса + Высокие технологии. Ваше ускоренное духовное развитие // Центр тибетской медицины. – URL: <http://www.kunpendelek.ru/library/buddhism/practics/prayer-drum/> (дата обращения 29.01.2021).
22. Гоффлер Э. Метаморфозы власти. – Москва : АСТ, 2003. – 669 с.
23. Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. – 2015. – № 6. – С. 3–13.
24. Шарифьянов Т.Ф., Гайнанов Д.А. Эволюция цифрового неравенства и инструментарий нейтрализации его последствий // Экономика и цифровые технологии. – 2014. – № 22 (349). – С. 2–18.
25. Шиняева О.В., Полетаева О.В., Слепова О.М. Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 4. – С. 68–85. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.04> (дата обращения 29.01.2021).
26. Юдина М.А. Влияние цифровизации на социальное неравенство // Уровень жизни населения регионов России. – 2020. – Т. 16, № 1 (126). – С. 97–108.
27. Aboujaoude E. Virtually you: the dangerous powers of the e-personality. – New York ; London : Norton & Company, 2011. – 248 p.
28. Artificial intelligence in education: challenges and opportunities for sustainable development / UNESCO. – 2019. – 48 p. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000366994> (дата обращения 29.01.2021).
29. Florida R. The flight of the creative class: the new global competition for talent. – New York : Harper Business, 2005. – 350 p.
30. Ragnedda M., Mushert G.W. Introduction // The digital divide. The Internet and social inequality in international perspective / Edited by M. Ragnedda and G.W. Muschert. – London ; New York : Routledge, 2013. – P. 1–14.
31. Ragnedda M. The third digital divide: a weberian approach to digital inequalities. – London : Routledge, 2017. – 128 p.

32. Ragnedda M., Ruiu M.L. Digital capital: a bourdieusian perspective on the digital divide. – Bingley : Emerald Publishing Ltd., 2020. – 122 p.
33. van Deursen A., van Dijk J. Internet skills and the digital divide // New Media & Society. – 2010. – Vol. 13, Issue 6. – P. 893–911. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1461444810386774> (дата обращения 29.01.2021).
34. van Dijk J. A theory of the digital divide // The digital divide. The Internet and social inequality in international perspective / Edited by M. Ragnedda and G.W. Muschert. – London ; New York : Routledge, 2013. – P. 29–52.
35. Wessels B. The reproduction and reconfiguration of inequality: Differentiation and class, status and power in the dynamics of digital divides // The digital divide. The Internet and social inequality in international perspective / Edited by M. Ragnedda and G.W. Muschert. – London ; New York : Routledge, 2013. – P. 17–28.
36. Workforce of the future. the competing forces shaping 2030 // RWC. – 2018. – URL: <https://www.pwc.com/gx/en/services/people-organisation/publications/workforce-of-the-future.html> (дата обращения 29.01.2021).
37. World development report 2016: digital dividends // The World Bank. – 2016. – URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2016> (дата обращения 29.01.2021).

DIGITALIZATION AS A MODELING SYSTEM OF SOCIAL STRATIFICATION

Kurganskaya Valentina

DrS (Fil. Sci.), professor, Chief Researcher of the Department of Political Science of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

Dunaev Vladimir

DrS (Fil. Sci.), professor, Chief Researcher of the Department of Political Science of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

***Abstract.** The article analyzes new forms of social stratification generated by the processes of digitalization of all aspects of modern society. The article describes the ontology, ideology, and mythology of the digital society. The mechanism and immanent logic of the impact of digitalization processes on the social structure of society are analyzed. The article considers the specifics of a number of new social strata that arise as a result of the implementation of digital technologies in the processes of social construction of reality. Various models of social stratification are discussed.*

***Keywords:** digitalization; social stratification; information and communication technologies; digital divide; digital competencies; human capital.*

For citation: Kurganskaya V.D., Dunaev V.Ju. Digitalization as a modeling system of social stratification // Social novelties and Social sciences. – Moscow : INION RAN, 2021. – № 1. – 46–64 Pp.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2021.01.05